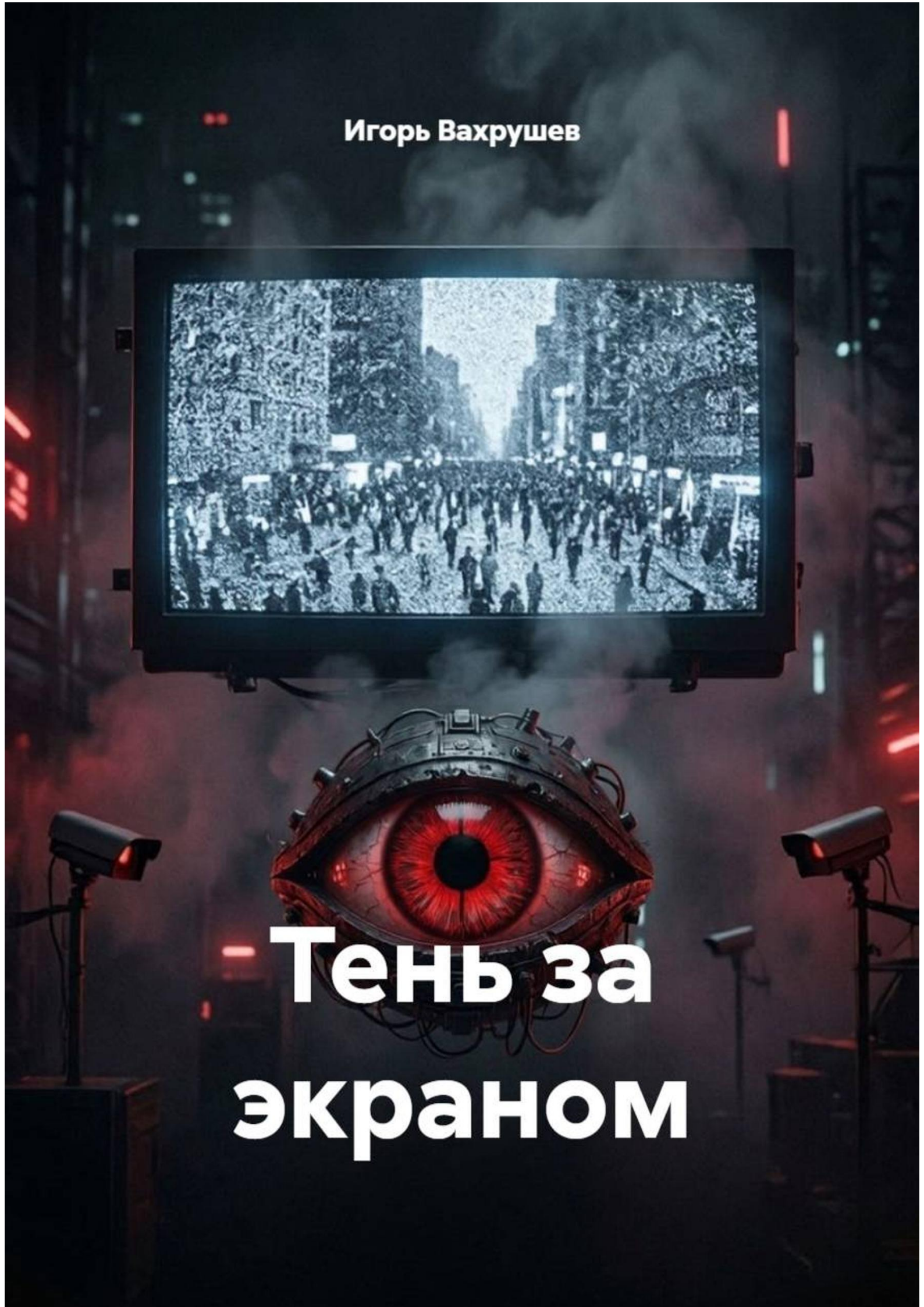
Игорь Вахрушев



Тень за экраном

Игорь Вахрушев

Тень за экраном

«Автор»
2026

Вахрушев И. А.

Тень за экраном / И. А. Вахрушев — «Автор», 2026

Остросюжетный триллер по мотивам «1984»! Инспектор Полиции Мысли Артур Вэнс находит слепую зону в системе телекранов Большого Брата. Вместе с механиком-подпольщицей он решает взломать сеть слежки изнутри, вступая в смертельную игру с безжалостным куратором Внутренней Партии.

© Вахрушев И. А., 2026
© Автор, 2026

Игорь Вахрушев
Тень за экраном

АКТ I. СЛЕПАЯ ЗОНА (Главы 1–10)

Глава 1. Холодный апрель и тёплый катод. Знакомство с Артуром Вэнсом, его работой в закрытом крыле Министерства Любви, эстетикой аналоговой слежки и первым делом — расследованием странного сбоя на линии телекранов в квартале пролов.

Глава 2. Архив несуществующих. Артур изучает личные вещи распылённого инженера-связиста Элиаса Торна и находит зашифрованную схему в обложке старого словаря новояза.

Глава 3. Двухминутка тишины. Первый эксперимент: во время всеобщей истерии у экранов Артур проверяет «слепое окно» в 0,4 секунды. Система действительно глохнет.

Глава 4. Антикварная лавка без пыли. Выход в квартал пролов. Артур ищет старые аналоговые компоненты (радиолампы и реле), сталкиваясь с бытом низов и осознавая, насколько хрупка грань между охотником и дичью.

Глава 5. Союзник в мазуте. Знакомство с **Кларой** — механиком-ремонтником из Министерства Изобилия, которая чинит пневмотрубы и ненавидит Систему, но не верит в мифическое Братство.

Глава 6. Ловушка для крота. Куратор Маркус Кейн вызывает Артура на ковёр: в их отделе завелся предатель, сливающий списки на арест. Артуру поручают найти крота.

Глава 7. Голос из-под половиц. Артур и Клара собирают первый «перехватчик» — устройство, позволяющее вклиниваться в локальную сеть телекранов одного жилого дома.

Глава 8. Призрак Голдстейна. Артур запускает первый тестовый взлом: в разгар ночной смены на экранах Внешней Партии на долю секунды вспыхивает запрещённый символ, вызывая тихую панику.

Глава 9. Допрос в комнате без окон. Артур вынужден допрашивать невиновного клерка из Министерства Правды, чтобы отвести подозрения Кейна и заодно подставить настоящего стукача.

Глава 10. Узел связи «Омега». Герои обнаруживают, что все телекраны Лондона сходятся в древнем подземном бункере под развалинами старого метро.

АКТ II. ВИРУС В СИСТЕМЕ (Главы 11–20)

Глава 11. Спуск во тьму. Проникновение в заброшенные тоннели метро под видом плановой инспекции кабелей. Столкновение с крысами, ловушками и старыми охранными системами.

Глава 12. Ложь на первой полосе. Артур использует доступ к пневмопочте Министерства Правды, чтобы подменить сводки с фронта — впервые заставляя граждан заметить противоречие без привычного двоемыслия.

Глава 13. Искусство двоемыслия. Напряжённый психологический поединок за шахматной доской между Артуром и Маркусом Кейном. Кейн начинает подозревать, что Артур слишком хорошо понимает логику врага.

Глава 14. Пробуждение пролов. Клара распространяет среди рабочих заводов примитивные радиоприёмники, настроенные на секретную волну Артура.

Глава 15. Операция «Зеркало». Артур взламывает контур наблюдения Внутренней Партии, открывая рядовым гражданам трансляцию роскошных ужинов партийной верхушки в разгар дефицита.

Глава 16. Зачистка сектора. Власть отвечает жестокими облавами. Клара едва спасается от патруля, а один из их связных попадает в застенки Минилюба.

Глава 17. Комната 101 напротив. Артур вынужден присутствовать на допросе своего же связного, борясь с желанием выдать себя и пытаясь передать пленнику капсулу с ядом, чтобы спасти подполье.

Глава 18. Взлом «Большого Брата». Подготовка главного удара: запись реального скомпрометированного архива о том, что война с Евразией и Остазией — фикция, поддерживаемая самой Океанией.

Глава 19. Предательство по расчёту. Кейн раскрывает схему Артура, но не арестовывает его сразу — он хочет использовать взломщика, чтобы выманить всех недовольных в единую ловушку.

Глава 20. Ночь длинных проводов. Штурм подземного узла связи «Омега». Перестрелка в темноте, гибель части команды и отчаянная попытка запустить трансляцию до отключения питания.

АКТ III. ПЕРЕЗАГРУЗКА (Главы 21–30)

Глава 21. Сигнал в пустоту. Трансляция уходит в эфир на весь Лондон. Реакция города: от ступора до первых стихийных бунтов на площадях.

Глава 22. Бегство по крышам. Артур и Клара объявлены врагами государства номер один. Охота с участием вертолётов и поисковых отрядов.

Глава 23. Убежище среди мёртвых. Герои прячутся в старом крематории на окраине города, где Артур разрабатывает план полного физического уничтожения центрального ретранслятора.

Глава 24. Цена свободы. Клара получает тяжёлое ранение во время вылазки за медикаментами. Артур сталкивается с моральным выбором: спасти её или довести дело до конца.

Глава 25. Лицом к лицу. Финальная встреча с Маркусом Кейном в заброшенном здании старого парламента. Философский спор о природе власти и человеческой души.

Глава 26. Последний импульс. Артур пробирается в сердце Министерства Любви, используя свой старый значок инспектора, чтобы замкнуть высоковольтные контуры системы слежки.

Глава 27. Короткое замыкание. Взрыв на центральной подстанции. Телекраны по всей стране гаснут впервые за десятилетия. Наступает оглушительная тишина.

Глава 28. Город без глаз. Хаос первых часов без контроля: одни люди в панике пытаются починить экраны, другие впервые за годы начинают говорить вслух то, что думают.

Глава 29. Пепел и рассвет. Последствия восстания: Партия пытается вернуть контроль грубой силой, но страх уже сломлен.

Глава 30. Эпилог. Тихий эфир. Год спустя. Мир не стал раем, борьба продолжается, но в темноте больше нет всевидящего ока, а на старой радиоволне звучит свободный человеческий голос.

Глава 1. Холодный апрель и тёплый катод

В Министерстве Любви никогда не гас свет, но при этом там всегда царили сумерки.

Артур Вэнс сидел в тесном, обитом серым войлоком кабинете на сорок втором этаже — там, куда не долетал даже приглушённый гул города, а единственным звуком было мерное, убаюкивающее гудение ламповых усилителей за стеной. В отличие от зданий Министерства Правды или Министерства Мира, в Минилюбе не было окон. Вообще. Считалось, что вид на серые, изъеденные воронками крыши Лондона отвлекает сотрудников от единственно важного процесса — вглядывания в чужие души.

На столе перед Артуром стоял телекран особой серии — «Наблюдатель-М». В отличие от бытовых моделей, вмонтированных в стены каждой квартиры Внешней Партии, этот экран не вещал бодрых маршей и не передавал сводок с Малабарского фронта. Он работал только

на приём. Тридцать шесть крошечных чёрно-белых окошек делили его поверхность на ровные квадраты, и в каждом из них жила, дышала, жевала синтетическую кашу или ворочалась во сне чья-то жалкая, прозрачная жизнь.

Артур поправил тяжёлые роговые очки, чувствуя, как под синим комбинезоном Внешней Партии неприятно холодит спину. В апреле в Лондоне всегда было сыро, но в недрах Минилюба холод был особенным — стерильным, пахнущим озоном, старой пылью и дешёвым табаком «Победа».

Он перевёл взгляд на квадрат номер девятнадцать. Там, в тесной каморке дома «Победа», худой, сутулый мужчина лет сорока с воспалёнными глазами сидел за столом, загородившись от телекрана узким простенком. Мужчина думал, что его не видно. Он не знал, что оптика «Наблюдателя-М» работает в инфракрасном диапазоне и улавливает даже тепловой след от чернил на бумаге, не говоря уж о напряжении мышц челюсти.

— Уинстон Смит, — тихо пробормотал Артур, сверяясь с бумажной перфокартой, выплюнутой пневмопочтой десять минут назад. — Отдел документации, Министерство Правды. Повышенное потоотделение. Аритмия во время утренней гимнастики. Покупка подозрительного блокнота в квартале пролов.

Артур взял в руки тонкий металлический стилус и уже занёс его над графой *«Рекомендован к первичной профилактике»*, как вдруг главный зуммер на его пульте издал короткий, сухой щелчок.

Артур замер. Этот звук он знал лучше собственного сердцебиения. Так звучала аварийная линия связи технического отдела — контура, который обслуживал саму сеть телекранов. В Полиции Мысли не любили техников: те ходили в замасленных комбинезонах, вечно пахли канифолью и имели дурную привычку смотреть на схемы проводов так, словно в них скрыто больше смысла, чем в трудах Большого Брата.

Из динамика связи раздался хриплый, прокуренный голос дежурного инженера с подземного уровня:— Сектор Аналитики, Вэнс? Это Кларк. У нас тут ерунда какая-то по восточному коллектору вылезла. Сбросил тебе логи на телетайп. Глянь, пока начальство не пришло.

— В чём дело, Кларк? — ровно, без малейшей интонации спросил Артур. В Полиции Мысли любая эмоция, даже лёгкое любопытство, расценивалась как профессиональная непригодность. Настоящий инспектор должен быть подобен зеркалу: отражать чужой грех, не впитывая его. — Снова крысы перегрызли кабель в районе Уайтчепела?

— Если бы крысы, — буркнул инженер, и в трубке послышался лязг гаечного ключа. — Во время утренней «Двухминутки ненависти» в секторе 4-Б зафиксирован скачок обратного напряжения. Кто-то вклинился в закрытый контур распределения. На четыре десятых секунды.

Артур медленно опустил стилус на стол.

Четыре десятых секунды. Для обычного человека — меньше, чем взмах ресниц. Для системы тотального контроля, где каждый байт информации, каждый вздох и каждый удар сердца миллионов граждан записывается, шифруется и отправляется на магнитные ленты в архивы Минилюба — это целая вечность.

— Ошибка калибровки реле, — произнёс Артур, глядя на ползущую из щели телетайпа узкую бумажную ленту с рядами пробитых отверстий. — На «Двухминутке» нагрузка всегда пиковая. Три миллиона экранов одновременно транслируют лицо Голдстейна на максимальной громкости, и одновременно три миллиона микрофонов пишут вопли толпы. Лампы греются, вот и даёт наводку.

— Я тоже так подумал, Вэнс, — голос Кларка стал тише, и Артур уловил в нём ту самую, едва заметную вибрацию страха, которую он привык выискивать на лицах подозреваемых. — Но наводка не бывает структурированной. Понимаешь? Это был не шум. Это был высокочастотный пакет сброса буферной памяти. Кто-то не просто залез в линию. Кто-то *выкачал* кусок архива за прошлые сутки и ушёл в тень, прикрывшись криками ненависти.

В кабинете стало тише. Даже гудение ламп за стеной показалось Артуру далёким и чужим.

Он отмотал бумажную ленту телетайпа и поднёс её к настольной лампе. Пробитые дырочки складывались в строгие колонки двоичного кода. Артур владел машинным языком так же свободно, как новоязом и староязом — в аналитическом отделе без этого было не выжить. Его глаза быстро скользили по строчкам: адрес ретранслятора, код узла связи, временная метка...

Сбой произошёл на подстанции 14. Старый, полуразрушенный квартал на границе зоны пролов, где покосившиеся кирпичные дома доживали свой век среди пустырей, оставшихся после атомных бомбардировок пятидесятых годов. Там не жили члены Партии. Там копошились только пролы — серые, шумные, вечно занятые лотереей, дешёвым джином и драками из-за кастрюль. Партия не тратила ресурсы на установку телекранов в их лачугах: считалось, что пролы и животные свободны, потому что у них нет мыслей, достойных записи.

Но магистральный кабель, питающий весь центральный Лондон, проходил как раз под землёй через эту подстанцию.

— Ты доложил куратору Кейну? — спросил Артур, аккуратно сворачивая ленту в тугой рулон.

— С ума сошёл? — фыркнул Кларк. — Если я доложу Кейну, что в моём секторе кто-то ковыряется в закрытом контуре, меня к обеду уже распылят в подвале, а к ужину вычеркнут из всех списков живых. Я думал, ты сам посмотришь... по-тихому. Спишем на износ изоляции, если там пусто. А если не пусто — ты первым возьмёшь след. Тебе же звёздочка, а мне — спокойный сон.

Артур усмехнулся уголками губ. В мире, где каждый следил за каждым, где дети сдавали родителей, а жёны — мужей, единственной настоящей валютой оставался страх. Страх заставлял людей работать лучше любых лозунгов.

— Хорошо, Кларк, — сказал Артур. — Закрой этот сектор в журнале как «профилактический ремонт реле». Официального рапорта пока не будет. Я сам проверю, кто из техников обслуживал четырнадцатую подстанцию за последний год.

Он отключил связь и откинулся на спинку жёсткого стула.

Перед глазами всё ещё стояло окошко номер девятнадцать, где худой Уинстон Смит судорожно прятал свой жалкий кремовый блокнот в ящик стола. Артур вдруг почувствовал странное, почти забытое раздражение. Смит был безопасен. Смит был классическим, хрестоматийным мыслепреступником — слабым, одиноким, обречённым. Его поймают через месяц, сломают в Комнате 101, заставят полюбить Большого Брата и пустят пулю в затылок в длинном белом коридоре. Это была рутина. Конвейер.

А вот тот, кто сумел поймать окно в четыре десятых секунды на пике «Двухминутки ненависти» и выкачать данные из закрытого контура Минилюба — этот человек не прятался по углам с блокнотиком. Этот человек смотрел прямо в глаз Системе и знал, в какую секунду та моргнёт.

Артур поднялся, застегнул воротник синего комбинезона и направился к выходу из кабинета. В коридоре было пусто, только под самым потолком мерцал дежурный телекран, из которого бодрый металлический голос вещал об очередной победе над евразийскими войсками и перевыполнении плана по выпуску шнурков для ботинок.

Артур шагал по бесконечным серым переходам к лифтам, ведущим в Архив Отдела Кадров. Его лицо оставалось бесстрастным, как посмертная маска, но внутри, глубоко под слоями выученного с детства двоемыслия, впервые за долгие годы шевельнулось что-то живое, острое и опасное.

Он ещё не знал, что через два часа, открыв пыльную папку с личным делом одного давно распылённого инженера, он перестанет быть охотником.

Глава 2. Архив несуществующих

Архив Отдела Кадров располагался на восемнадцатом подземном уровне Министерства Любви — там, где бетонные стены покрывались вечной испариной, а воздух был настолько тяжёлым и сухим, что бумага, казалось, шуршала громче человеческого голоса.

Официально в Океании не существовало никакой памяти. В Министерстве Правды тысячи клерков круглосуточно переписывали старые газеты, меняя фамилии героев, цифры выплавки чугуна и направления фронтов, чтобы Партия всегда оказывалась правой. Неугодные люди не просто умирали — они становились *нелицами*. Их вычёркивали из метрических книг, вырезали с фотографий, стирали из воспоминаний.

Но в недрах Минилюба действовал другой закон. Полиция Мысли не могла позволить себе роскошь полной амнезии: чтобы ловить новых преступников, нужно было знать, как думали старые. Поэтому всё, что сжигалось в «запоминающих устройствах» Минправа, здесь бережно складывалось в бесконечные ряды стальных сейфов с грифом *«Несуществующие. Хранить вечно»*.

Дежурный архивариус, старик с бельмом на левом глазу и засохшими чернилами на костяшках пальцев, даже не поднял головы, когда Артур предъявил красный пропуск старшего аналитика.

— Сектор связи. Личный состав технической службы за последние пять лет, — сухо бросил Артур. — Категория «Распылённые».

Старик молча кивнул, прошаркал в глубь лабиринта из стеллажей и через десять минут вернулся с тремя серыми картонными папками, перевязанными выцветшей бечёвкой.

— Расписываться не нужно, товарищ инспектор, — проскрипел он, глядя мимо Артура в пустоту. — Тех, кого нет, нельзя выдать на руки.

Артур унёс папки в дальнюю кабинку для работы с документами — тесную бетонную нишу, освещённую одной голой лампочкой под проволочной сеткой. Телекрана здесь не было: в святая святых архива лишние глаза и уши считались угрозой безопасности.

Первые две папки оказались пустышками. Один техник, некий Майкл Бёрн, спился синтетическим джином и по пьяни обругал качество новых сапог на глазах у патруля. Второй, молодой стажёр по фамилии Пирс, по глупости попытался украсть медный кабель, чтобы обменять его у пролов на настоящий кофе. Обычная бытовая грязь.

Артур развязал тесёмки третьей папки.

На обложке не было имени — только инвентарный номер *774-Т* и жирный фиолетовый штамп: *«ЛИКВИДИРОВАН. УПОМИНАНИЕ КАРАЕТСЯ РАСПЫЛЕНИЕМ»* .

Внутри лежала пожелтевшая фотография. С неё на Артура смотрел мужчина лет пятидесяти с высоким, изрезанным морщинами лбом, густыми седыми бровями и удивительно спокойными, чуть насмешливыми глазами. Даже на тюремном снимке, сделанном за час до расстрела, в уголках его губ пряталась тень лёгкой усмешки — словно он знал анекдот, который палачи поймут только через сто лет.

Элиас Торн. Главный инженер-проектировщик магистральных линий связи сектора Лондон-Восток. Арестован в ноябре прошлого года по обвинению в мыслепреступлении и подготовке саботажа. Вину признал полностью. Распылён.

Артур быстро пробежал глазами стандартный протокол допроса. Всё было написано по шаблону: Торн якобы признался, что состоял в мифическом Братстве Голдстейна, планировал взорвать электростанцию и тайно ненавидел Большого Брата. Скучная, вымученная ложь, которую следователи штамповали сотнями.

Но на самом дне папки лежал небольшой конверт из грубой серой бумаги с пометкой: *«Личные вещи, изъятые при обыске. Не подлежат возврату. Уничтожить после закрытия дела»*. Видимо, старик-архивариус забыл отправить его в печь.

Артур вытряхнул содержимое на стол. На бетон звякнули дешёвые жестяные часы с треснувшим стеклом, сломанная перьевая ручка и небольшая книжечка в потёртом коленкоровом переплёте — десятое издание «Краткого словаря новояза», выпущенное два года назад.

Инспектор взял словарь. Обычная брошюра, какие лежали в столе у каждого клерка. Но когда Артур пролистал страницы, его пальцы уловили едва заметную неровность. Задний форзац был чуть толще переднего. Бумага там не шуршала, а глухо похрустывала, словно под ней пряталась тонкая фольга или промасленный пергамент.

Артур достал из кармана перочинный нож, аккуратно поддел край склейки и отогнул плотный картон обложки.

Внутри, в искусно вырезанном углублении, лежала сложенная вчетверо калька, исчерченная тончайшими, ювелирными линиями туши. Рядом с ней притаился маленький клочок газетной бумаги с несколькими строчками, написанными бисерным почерком самого Торна.

Артур развернул кальку. Это была принципиальная электрическая схема распределительного узла подстанции 14 — той самой, где сегодня утром произошёл сбой.

Но главное было не в схеме. В правом нижнем углу чертежа красными чернилами был обведён крошечный участок цепи — конденсаторный мост и реле задержки. От него шла тонкая стрелка к цифрам, написанным на полях:

11:00:00 — 11:00:00.4

Артур перевёл взгляд на клочок газетной бумаги. Там не было ни призывов к восстанию, ни упоминаний о Голдстейне. Там было всего четыре строчки, похожие на записку, оставленную одним мастером для другого:

«Глаз Большого Брата не ведает усталости, но у каждого механизма есть инерция. Когда три миллиона глоток орут от ненависти, лампы перегружаются, и на четыре десятых секунды система слепнет. Она не видит, не слышит и не пишет. В эти четыре десятых секунды человек снова принадлежит только себе. Не трать их на злобу. Трать их на память».

Артур сидел неподвижно, глядя на эти строки.

Лампочка над головой тихо потрескивала. Где-то далеко наверху, за восемнадцатью этажами железобетона, три миллиона жителей Лондона прямо сейчас склоняли головы перед портретом усатого вождя, повторяя заученные лозунги: *«Война — это мир. Свобода — это рабство. Незнание — сила»*.

Артур всегда верил в это. Не слепо, как тупые фанатики из Внешней Партии, а осознанно, с холодным цинизмом человека Внутреннего круга, который сам нажимает на рычаги этой машины. Он знал, что история переписывается каждый день, что побед на фронте не существует, что шоколад снова урезали, хотя газеты трубят об увеличении пайка. Он владел двоемыслием в совершенстве: знал ложь, но искренне верил в её необходимость ради порядка.

Но глядя на схему Элиаса Торна, Артур вдруг понял, что вся грандиозная, непобедимая машина Партии имеет конструктивный дефект. Она держалась на иллюзии абсолютного всеведения. Стоило людям узнать, что у Всевидящего Ока есть слепое пятно — пусть даже размером в жалкие четыре десятых секунды, — как весь монолит страха даст первую трещину.

И кто-то в Лондоне уже нашёл эту трещину. Кто-то забрал схему из другой копии словаря или додумался до неё сам — и сегодня утром в 11:00:00 нажал на спусковой крючок.

Артур аккуратно сложил кальку и записку, спрятал их во внутренний карман комбинезона, а словарь закрыл и убрал обратно в папку.

Он вышел из кабинки, вернул папки слепому архивариусу и направился к лифтам. На часах над входом в коридор было без пяти одиннадцать. Через пять минут во всех зданиях Министерства Любви завоют сирены, призывая сотрудников к экранам на утреннюю «Двухминутку ненависти».

Артур ускорил шаг. Впервые за всю свою карьеру в Полиции Мысли он ждал одиннадцати часов не с привычной профессиональной скукой, а с острым, ледяным азартом экспериментатора.

Глава 3. Двухминутка тишины

Зал коллективного просмотра на сорок втором этаже Министерства Любви ничем не отличался от тысяч таких же залов в школах, цехах и общежитиях Океании — разве что воздух здесь пах не варёной капустой и сыростью, а дорогим синтетическим одеколоном сотрудников Внутренней Партии и холодным озоном.

Ровно без одной минуты одиннадцать Артур Вэнс занял своё место в третьем ряду. Рядом с ним уже усаживались коллеги из аналитического отдела: худощавый, вечно потирающий руки Рэндалл из сектора перекрёстных допросов и пышнотелая, с каменным лицом Марта из отдела цензуры литературных архивов. Все они были одеты в одинаковые чёрные комбинезоны Внутренней Партии, и на каждом лице застыла та самая маска бдительной, холодной преданности, которая в стенах Минилюба считалась единственно приличным выражением.

Над залом возвышался гигантский телекран шириной в добрых десять метров. Сейчас по его серой поверхности пробегала лёгкая рябь, а из скрытых в стенах динамиков доносился мерный, гипнотический гул, похожий на рокот далёких бомбардировщиков.

Артур незаметно опустил правую руку в карман комбинезона. Его пальцы нащупали две вещи: тонкую медную проволочку, вытянутую из старого телефонного реле в коридоре, и тяжелые механические часы с секундной стрелкой — трофей, конфискованный когда-то у старого часовщика в квартале пролов. В Океании не любили механические часы, предпочитая централизованные электронные циферблаты, которые Партия могла перевести в любую секунду, если требовалось удлинить рабочую смену. Но для проверки схемы Элиаса Торна нужна была абсолютная, независимая точность.

10:59:50.

Артур бросил быстрый взгляд на телекран. В верхнем углу, прямо под символом ангсоца, едва заметно мигала крошечная красная точка — индикатор обратной записи. В Полиции Мысли все знали, что означает этот огонёк: камера за стеклом фиксирует каждое движение глаз, каждый вздох и частоту пульса каждого сидящего в зале. Во время «Двухминутки ненависти» система работала в режиме автоматического отсева: если человек кричал недостаточно громко или его лицо искажалось недостаточно искренней яростью, алгоритм тут же ставил напротив его фамилии жёлтый флажок.

10:59:58.

Зал замер в привычном напряжённом ожидании. Марта рядом с Артуром уже набрала в грудь побольше воздуха, её ноздри хищно раздулись. Рэндалл сжал кулаки на коленях.

10:59:59.

Динамики взорвались отвратительным, скрежещущим визгом, от которого сводило зубы. На гигантском экране вспыхнуло одутловатое, бородатое лицо Эммануэля Голдстейна — Врага Народа, главного предателя и вдохновителя мифического Братства. За спиной Голдстейна маршировали бесконечные колонны евразийских солдат с безликими монголоидными лицами, а внизу бежала строка с цифрами казнённых океанийских пленных.

В ту же долю секунды в зале раздался первый вопль.

— Предатель! Смерть! Смерть! — взвизгнула Марта, вскакивая с места и выбрасывая вперёд сжатый кулак.

Рэндалл зарычал, словно цепной пёс, и принялся швырять в экран скомканные бумажные бланки. Зал мгновенно превратился в котёл кипящей, животной злобы. Тридцать взрослых, образованных людей — аналитиков, юристов, следователей — топали ногами, брызгали слюной и с искажёнными лицами выкрикивали проклятия в адрес мерцающего изображения.

Это был пик. Момент, когда миллионы экранов по всей Взлётной полосе I выдавали максимальную мощность звука и света, а миллионы микрофонов захлёбывались от ревущего потока ненависти.

Артур смотрел на секундную стрелку своих часов.

11:00:00.0.

Он поднял взгляд на верхний угол гигантского телекрана.

Красная точка индикатора обратной записи мигнула — и погасла. На короткий, неуловимый для неподготовленного глаза миг серый фон экрана дрогнул, по нему пробежала горизонтальная полоса статического разряда, и гул ламповых усилителей за стеной сменился сухим, надрывным треском перегруженного трансформатора.

0,1 секунды. 0,2 секунды.

Артур не кричал. Он сидел совершенно прямо, сложив руки на коленях, и смотрел прямо в объектив камеры с абсолютно спокойным, холодным, почти насмешливым лицом. В обычное время такой поступок в стенах Минилюба означал бы немедленный арест, допрос с пристрастием и распыление до конца недели.

0,3 секунды. 0,4 секунды.

Красная точка вспыхнула снова.

Артур мгновенно вскочил, исказил лицо гримасой свирепой ярости и заорал вместе со всеми:— Смерть Голдстейну! Слава Большому Брату!

Он кричал так громко, что у него запершило в горле, а его кулак яростно рассекал воздух в такт общему безумию. Рядом Марта бросила на него короткий, одобрительный взгляд и с удвоенной силой принялась колотить по спинке переднего кресла.

Две минуты тянулись бесконечно. Лицо Голдстейна на экране постепенно расплылось, превратившись в морду блеющей овцы, а затем — в величественный, спокойный лик Большого Брата с густыми чёрными усами. Толпа в зале мгновенно сменила ярость на экстатическое обожание. Люди плакали от умиления, тянули руки к экрану и скандировали: *«Б-Б! Б-Б! Б-Б!»*.

Артур скандировал громче всех. Но внутри него царила ледяная, звенящая тишина.

Схема Элиаса Торна работала.

Когда сирена возвестила об окончании ритуала и сотрудники начали расходиться по кабинетам, вытирая пот со лба и поправляя сбившиеся комбинезоны, Артур не пошёл к себе. Он спустился на два этажа ниже — в аппаратную контрольного мониторинга, куда стекались все записи с камер внутреннего наблюдения самого Министерства Любви.

Дежурный техник, молодой парень с кругами под глазами, лениво перематывал магнитную ленту утреннего сеанса.

— Привет, Тим, — ровно сказал Артур, опираясь о край пульта. — У нас в третьем ряду на сорок втором этаже сегодня новенький сидел, стажёр из архива. Хочу глянуть, как он себя вёл на «Двухминутке». Не схалтурил ли.

— Без проблем, товарищ инспектор, — зевнул Тим, щёлкая тумблерами. — Сейчас прокрутим.

На контрольном мониторе ожила чёрно-белая запись. Вот зал замирает перед началом. Вот на экране появляется Голдстейн. Вот Марта вскакивает с воплем...

А дальше изображение на долю секунды дёрнулось, превратившись в серую снежную рябь. Когда картинка восстановилась, Артур Вэнс уже стоял на ногах, с искажённым от ненависти лицом, яростно потрясая кулаком.

— Опять наводка, — буркнул Тим, постучав пальцем по корпусу монитора. — Каждое утро одно и то же. В одиннадцать ноль-ноль лампы перегреваются, и четыре десятых секунды уходят в молоко. Начальству не говорите, товарищ инспектор, а то нас замучают проверками.

— Не скажу, Тим, — спокойно ответил Артур, пряча руки в карманы. — Это пустяки. Главное, что система работает безупречно.

Он вышел из аппаратной и зашагал по длинному серому коридору. В кармане его комбинезона лежал сложенный листок кальки.

Теперь Артур знал правду. Всевидящее око Большого Брата было слепым каждый день в одно и то же время. И тот неизвестный, который сегодня утром выкачал данные на четырнадцатой подстанции, знал этот секрет. Оставалось только одно: спуститься в кварталы пролов, найти этого человека раньше, чем до него доберётся Маркус Кейн, и решить, что делать с оружием, способным обрушить небо.

Глава 4. Антикварная лавка без пыли

Спуститься с сорок второго этажа Министерства Любви в кварталы пролов было всё равно что нырнуть из стерильной хирургической операционной в кипящую, грязную, вонючую сточную канаву — и с удивлением обнаружить, что дышать в ней гораздо легче.

Артур Вэнс сменил чёрный комбинезон Внутренней Партии на потёртую, вылинявшую куртку рабочего-электрика без знаков различия, надвинул на лоб старую кепку и вышел через неприметный служебный тоннель в районе Сент-Панкрас. Для инспектора Полиции Мысли подобные вылазки были обычной практикой: оперативники часто работали под прикрытием, выискивая подпольных торговцев или шпионов. Вот только сегодня Артур не стал регистрировать выход в журнале оперативных заданий.

Лондон встретил его привычным коктейлем из промозглого дождя, запаха дешёвого джина, варёной капусты и горелой резины. Узкие, застроенные покосившимися викторианскими домами улочки Уайтчепела гудели, как потревоженный улей. Здесь не было строгих колонн, марширующих под барабанный бой, и не висели на каждом углу гигантские телекраны. Вместо них над головами болтались обрывки проводов, на стенах пестрели выцветшие плакаты государственной лотереи, а из распахнутых дверей пивных доносилась хриплая, сентиментальная музыка, сочинённая специальными машинами в Министерстве Правды для услаждения низов.

Артур свернул в узкий проулок, сверяясь со схемой подстанции 14.

Магистральный кабель, на котором сегодня утром зафиксировали утечку, проходил под старым заброшенным депо, окружённым лабиринтом лавочек старьёвщиков. Если кто-то действительно собрал устройство, способное вклиниться в закрытый контур Минилюба за четыре десятых секунды, ему требовались специфические детали. Не современный партийный ширпотреб, где каждая лампа имела серийный номер и отслеживалась через заводские реестры, а старые, довоенные радиокомпоненты — высокочастотные диоды, медные катушки и конденсаторы большой ёмкости.

В таких кварталах всё это можно было найти только в одном месте — у барахольщиков.

Пройдя мимо лотка, где толстая баба с красными руками торговала гнилой картошкой и костями для супа, Артур остановился перед узкой витриной с надписью, выведенной облупившейся золотой краской: *«Старые вещи. Покупка и продажа»*.

Над дверью звякнул тусклый медный колокольчик.

Внутри лавки пахло пылью, старой бумагой и мышиным помётом. В полумраке теснились заваленные хламом столы: сломанные барометры, треснувшие фарфоровые статуэтки, стопки пожелтевших книг без обложек, старые подсвечники. Из-за прилавка навстречу вошедшему поднялся хозяин — невысокий сухощавый старик с длинным, похожим на клюв носом, густыми белыми бровями и вежливой, почти заискивающей улыбкой.

— Добрый день, гражданин, — мягко произнёс старик, потирая сухие ладони. — Ищете что-то особенное? Есть прекрасные столовые ложки из настоящего серебра, старые гравюры...

— Мне не нужны ложки, отец, — ровно ответил Артур, делая вид, что рассматривает пыльный стеклянный шар с кораллом внутри. Он намеренно говорил с лёгким кокни-акцентом, скрывая безупречное произношение человека Внутренней Партии. — Мне нужны лампы.

Высокочастотные. И конденсаторы от старых радиоприёмников. Желательно довоенные, без партийных клейм.

Улыбка старика не дрогнула, но его маленькие, глубоко посаженные глаза на долю секунды сузились, оценивая гостя. В этом взгляде не было простодушной глупости прола. Артур, привыкший читать людей по микродвижениям, мгновенно почувствовал холодный, цепкий расчёт.

— Радиолампы? — переспросил старик, качая головой. — Ох, гражданин, откуда же им взяться? Все приёмники сдали ещё во время революции. За такое нынче по головке не погладят. У меня тут только безделушки для красоты.

— Не скромничай, — Артур шагнул ближе к прилавку и положил на стекло две новенькие долларовые бумажки — сумму, на которую прол мог неделю пить джин и закусывать настоящим мясом. — Я чиню патефоны для одного важного человека. Он платит хорошо и лишних вопросов не задаёт. Я знаю, что на прошлой неделе у тебя брали партию таких деталей. Тот же набор: диоды, реле и моток экранированного кабеля.

Старик покосился на деньги, но не потянулся к ним. Его взгляд скользнул по рукам Артура — слишком чистым, с аккуратно подстриженными ногтями, без въевшегося в кожу машинного масла и мозолей, которые оставались у любого настоящего рабочего.

— Боюсь, вы меня с кем-то спутали, гражданин, — тихо, но твёрдо сказал старик. — Никаких кабелей я не держу. И покупателей таких у меня не было. Зайдите лучше на рынок у вокзала, там железками торгуют.

Артур не стал спорить. В Полиции Мысли его учили главному правилу: если подозреваемый отрицает очевидное слишком спокойно, значит, он либо смертник, либо осведомитель.

Инспектор медленно убрал деньги в карман, кивнул и уже повернулся к выходу, но на пороге задержался, будто случайно зацепившись взглядом за дальний угол прилавка.

Там, среди горы ржавых шестерёнок и сломанных часов, лежал небольшой деревянный ящик. Почти все предметы в лавке были покрыты толстым, серым слоем вековой пыли. Но на крышке этого ящика пыли не было. На ней чётко отпечатался след от квадратной жестяной коробки — и рядом блестела крошечная, свежеоткушенная капля оловянного припоя, похожая на серебряную слезинку.

Кто-то паял здесь совсем недавно. Может быть, вчера вечером.

Артур ничего не сказал. Он толкнул дверь, звякнул колокольчик, и инспектор снова шагнул под моросящий лондонский дождь.

Он не пошёл обратно к тоннелю. Вместо этого Артур свернул за угол, зашёл в тёмную подворотню напротив лавки, прислонился к мокрой кирпичной стене и надвинул кепку на самые глаза. Старик соврал. И теперь оставалось только ждать: рано или поздно тот, кто оставил на прилавке каплю свежей пайки, вернётся за новой порцией деталей — или сам старик побежит предупреждать своего сообщника.

Дождь усиливался, стекая по козырьку кепки холодными струйками. Артур стоял неподвижно, как те статуи на Марсе из старых фантастических книг, и впервые за много лет чувствовал, что его собственное сердце бьётся не по расписанию Министерства Любви.

Глава 5. Союзник в мазуте

Ожидание в подворотне растянулось на три часа. Холодный лондонский дождь, казалось, проникал сквозь саму ткань рабочего комбинезона, но Артур не шевелился. За годы службы в Полиции Мысли он научился отключать телесный дискомфорт: тело было лишь оболочкой, штативом для глаз и мозга.

Наконец, когда серые сумерки начали сгущаться до цвета мокрого асфальта, дверь антикварной лавки тихо приоткрылась. На порог вышел сам старик-лавочник. Он не стал вешать на дверь табличку «Закрыто» — просто огляделся по сторонам, поднял воротник старого пальто и быстро зашагал вдоль стены в сторону заброшенной железнодорожной ветки.

Артур выждал десять секунд и бесшумно скользнул следом.

Старик шёл быстро, петляя по узким, заваленным битым кирпичом переулкам, где не горел ни один фонарь. Он явно знал здесь каждый камень и ни разу не обернулся, уверенный, что в такую погоду даже патрули стараются держаться ближе к тёплым караулкам. Спустя пятнадцать минут маршрут привёл их к глухому тупику, упиравшемуся в массивную чугунную решётку вентиляционной шахты — одной из тех, что вели в старые тоннели Лондонского метрополитена, превращённые после войны в коллекторы для кабелей связи и пневмопочты.

Старик остановился, достал из кармана тяжёлый разводной ключ и трижды негромко стукнул им по чугунному пруту.

Лязгнул засов. Решётка приоткрылась ровно настолько, чтобы мог протиснуться человек. Из темноты шахты пахнуло тёплым воздухом, машинным маслом и озоном.

— Ты опоздал, Чаррингтон, — раздался из темноты негромкий, чуть хрипловатый женский голос. — Ещё пять минут, и я бы ушла. Принёс лампы?

— Принёс, — прошептал старик, суетливо оглядываясь. — Но послушай меня, девочка. Сегодня ко мне заходил один тип. В рабочей куртке, а руки чистые, как у клерка из Министерства. Спрашивал именно про эти детали. И смотрел так, будто насквозь видит. Боюсь, мы на крючке.

— Ерунда, — отрезал женский голос. — В Минилюбе сейчас завал, они гоняются за призраками в Министерстве Правды. Давай свёрток и уходи. И если завтра кто-то ещё сунется — скажи, что умер от тифа.

Старик торопливо сунул в щель тугой холщовый пакет и почти бегом скрылся в темноте переулка, проскочив в паре шагов от прижавшегося к стене Артура.

Артур не стал задерживать старика. Его интересовала хозяйка голоса за решёткой.

Он выждал, пока решётка со скрипом закроется, подошёл вплотную, нащупал в темноте ту самую чугунную перекладину и трижды ударил по ней рукояткой своего перочинного ножа.

За решёткой мгновенно замерли. Послышался тихий щелчок взводимого курка — кто-то там, внизу, был вооружён, скорее всего, старым довоенным револьвером или самодельным самопалом.

— Чаррингтон? — напряжённо спросил женский голос. — Что ещё? Я же сказала...

— Чаррингтон ушёл пить джин, — ровно, без тени угрозы произнёс Артур, убирая руки от решётки и поднимая их на уровень плеч так, чтобы их было видно в тусклом свете далёкого уличного фонаря. — А я пришёл поговорить о четырнадцатой подстанции и о том, что происходит каждый день в одиннадцать часов утра в течение четырёх десятых секунды.

В шахте повисла мёртвая, звенящая тишина.

Через секунду в лицо Артуру ударил узкий, слепящий луч карманного фонарика. Инспектор не зажмурился и не отвернулся — он стоял совершенно спокойно, позволяя незнакомке разглядеть своё лицо, промокшую рабочую куртку и пустые ладони.

— Полиция Мысли, — выдохнул голос за лучом, и в нём не было паники, только холодная, злая решимость. — Стреляю без предупреждения.

— Если выстрелишь, через три минуты сюда сбежится весь районный патруль, — спокойно заметил Артур. — А через десять минут этот тоннель зальют усыпляющим газом. Подумай сама: если бы я пришёл тебя брать, я бы стоял здесь один под дождём без оружия и называл бы тебе секретный тайминг Элиаса Торна?

Луч фонарика дрогнул и опустился чуть ниже, освещая грудь Артура.

— Откуда ты знаешь это имя? — тихо спросила женщина.

— Я тот, кто сегодня утром читал его дело в архиве Минилюба. И я тот, кто закрыл рапорт о твоём утреннем скачке напряжения на четырнадцатой подстанции, списав его на износ реле. У тебя есть тридцать секунд, чтобы впустить меня, иначе мне придётся уйти — и завтра сюда придёт уже не я, а группа зачистки Маркуса Кейна.

Лязг засова повторился. Решётка медленно отворилась.

Артур шагнул вниз по скользким железным скобам в тёплую, пахнущую мазутом темноту. Едва его ноги коснулись бетонного пола тоннеля, к его затылку ткнулся холодный металлический ствол.

— Руки за голову. Медленно, — скомандовала хозяйка фонарика.

Она отошла на пару шагов, осветила себя снизу, чтобы Артур видел, с кем имеет дело, но не теряла его из прицела. Перед ним стояла молодая женщина лет двадцати восьми — тридцати, одетая в стандартный синий комбинезон Внешней Партии, заляпанный тёмными пятнами солидола и сажи. Короткие каштановые волосы были перехвачены грязной тряпкой, а на смуглом, осунувшемся лице горели два огромных, усталых, но невероятно упрямых серых глаза. На левом нагрудном кармане её комбинезона виднелась потёртая эмблема ремонтного управления Министерства Изобилия.

— Клара, — прочитал Артур по нашивке с табельным номером. — Старший механик пневматических магистралей. Отличное прикрытие: тебя пускают в любой тоннель и в любое министерство, и никто не обращает внимания на женщину с гаечным ключом.

— А ты, значит, стервятник из Минилюба, — Клара не опустила старый, обмотанный изолентой револьвер. — И зачем же стервятнику спасать мышь? Хочешь, чтобы я вывела тебя на Братство? Разочарую: нет никакого Братства. И Голдстейна нет. Есть только я, пара старых паяльников и желание узнать, о чём на самом деле врут телекраны.

— Я знаю, что Братства нет, — спокойно ответил Артур, не опуская рук. — Мы в аналитическом отделе сами пишем для него листовки, чтобы ловить дураков. А пришёл я потому, что схему, по которой ты собрала свой перехватчик, начертил Элиас Торн. Он оставил записку. И в ней сказано: *«Не трать эти четыре десятых секунды на злобу. Трать их на память»*.

Клара замерла. Её палец на спусковом крючке слегка ослаб.

— Ты видел его записку? — прошептала она. — Ту, что он спрятал в словаре?

— В десятом издании словаря новояза, — кивнул Артур. — Торн оставил одну копию в личных вещах, чтобы она попала в архив Минилюба. Он рассчитывал, что рано или поздно её найдёт кто-то изнутри. Тот, у кого есть доступ к магистральным пультам, а не только к паяльнику в подвале.

Он медленно опустил руки — Клара не выстрелила — и достал из внутреннего кармана сложенный листок кальки.

— Твой самодельный перехватчик может выкачивать данные только с одного кабеля, — сказал Артур, глядя ей прямо в глаза. — И то с риском сжечь предохранители при первом же скачке. У меня есть коды доступа ко всей центральной распределительной сети Лондона. Вместе мы можем не просто подглядывать в замочную скважину. Мы можем развернуть экран в обратную сторону.

Клара долго смотрела на него в тусклом свете фонаря. В этом заброшенном тоннеле, под гул проносящихся над головой капсул пневмопочты, решалось всё. Одно неверное движение — и оба окажутся в подвалах Министерства Любви.

Наконец она медленно опустила револьвер и сунула его за пояс комбинезона.

— Если это ловушка, инспектор, — тихо произнесла она, вытирая испачканной в мазуте рукой лоб, — я успею закоротить силовой кабель на десять тысяч вольт раньше, чем твои люди добегут до решётки. Пойдём. У меня в коморке есть немного настоящего чая. И нам нужно многое обсудить до завтрашних одиннадцати часов.

Глава 6. Ловушка для крота

На следующее утро Артур Вэнс вошёл в здание Министерства Любви ровно за три минуты до начала смены. Его синий комбинезон был безупречно отглажен, ботинки начищены до тусклого, казённого блеска, а на лице застыла привычная маска спокойной, чуть усталой

сосредоточенности. Ничто в нём не выдавало человека, который ещё четыре часа назад сидел в тёплой, пахнущей мазутом каморке под землёй, пил настоящий индийский чай из жестяной кружки и вместе с механическим гением из Министерства Изобилия дорабатывал схему перехвата центрального распределительного узла.

Но стоило Артуру переступить порог своего кабинета на сорок втором этаже, как его ждал неприятный сюрприз.

На столе, прямо поверх выключенного «Наблюдателя-М», лежал плотный конверт из кремовой бумаги с тисненым гербом Внутренней Партии. В такие конверты упаковывали только личные вызовы к кураторам верхних уровней.

«Товарищу Вэнсу А. Явиться немедленно. Уровень 58, кабинет 5804. М. Кейн».

Артур почувствовал, как внизу живота неприятно похолодело, но заставил себя сделать ровный, глубокий вдох. В Полиции Мысли паника была равносильна признанию вины. Если Маркус Кейн заподозрил неладное из-за вчерашнего сбоя на четырнадцатой подстанции, в кабинете уже ждут двое молчаливых санитаров с электрошокерами. Если же вызов касается чего-то другого — нужно играть свою роль безупречно.

Лифт на пятьдесят восьмой этаж двигался бесшумно. Здесь, в царстве Внутренней Партии, коридоры были шире, стены покрыты мягкими звукопоглощающими панелями цвета тёмного дуба, а воздух пах настоящим кофе и дорогими сигаретами.

Артур постучал и вошёл.

Кабинет Маркуса Кейна был просторным и почти пустым: массивный стол из полированного эбонита, два кожаных кресла, портрет Большого Брата на стене и огромный телекран, который, в отличие от аппаратов внизу, имел специальный тумблер полного отключения. Сейчас экран был тёмным.

Сам Кейн стоял у стены, изучая огромную карту Лондона, утыканную разноцветными флажками. Ему было около пятидесяти лет; высокий, сухопарый, с седыми волосами, зачёсанными назад, и узким, аристократическим лицом, на котором выделялись глубоко посаженные, пронзительно-серые глаза. Он носил чёрный комбинезон Внутренней Партии так, словно это был мундир фельдмаршала.

— Проходи, Артур, садись, — не оборачиваясь, произнёс Кейн. Голос у него был негромкий, но вкрадчивый и тяжёлый, от него некуда было спрятаться. — Кофе? Настоящий. Из бразильских поставок, трофейный.

— Благодарю, товарищ Кейн, — Артур сел в кресло напротив стола, держа спину прямо. — С удовольствием.

Кейн налил из серебряного кофейника две чашки, поставил одну перед Артуром и опустился в своё кресло. Несколько секунд он молча смотрел на подчинённого, словно оценивая качество материала, из которого тот сделан.

— Ты лучший аналитик в моём секторе, Артур, — наконец сказал Кейн, отпивая кофе. — Я всегда ценил твой ум. Ты не просто ловишь крикунов в пивных. Ты видишь структуру. Ты понимаешь, что мыслепреступление — это не эмоция, а ошибка в логике, которую нужно исправить, прежде чем она заразит остальных.

— Я стараюсь служить Партии, товарищ Кейн.

— Именно поэтому я поручаю тебе дело особой секретности, — куратор наклонился вперёд, сцепив длинные бледные пальцы на столе. — В нашем отделе завёлся крот.

Артур не моргнул. Ни один мускул на его лице не дрогнул, хотя внутри всё сжалось в тугой узел.

— Крот? — спокойно переспросил он. — В аналитическом секторе?

— В техническом и аналитическом контурах, — уточнил Кейн. — За последние два месяца из закрытых списков на ликвидацию бесследно исчезли четыре дела. Люди, которых мы

должны были арестовать в понедельник, в воскресенье вечером внезапно исчезали в кварталах пролов, словно их кто-то предупреждал за сутки. А вчера утром...

Кейн сделал паузу, вглядываясь в зрачки Артура.

— Вчера утром во время «Двухминутки ненависти» на восточном коллекторе был зафиксирован несанкционированный съём буферной памяти. Кто-то влез в магистральный кабель на четыре десятых секунды и скачал списки оперативной разработки.

Артур почувствовал, как его собственное сердце ударило в рёбра, но тут же включил старый, отработанный до автоматизма механизм двоемыслия. Он не лгал Кейну — он *верил* в то, что говорит.

— Подстанция номер четырнадцать, — кивнул Артур с лёгкой профессиональной досадой. — Дежурный техник Кларк доложил мне об этом вчера в полдень. Я проверил логи. Сначала я подумал, что это обычный скачок напряжения на старых реле, и не стал беспокоить вас пустяками. Но вечером я поднял архив личного состава и вышел на след.

Брови Кейна слегка приподнялись.

— Вот как? И кто же наш виртуоз?

— Элиас Торн, — ровно произнёс Артур. — Инженер-проектировщик восточного узла, распылённый в прошлом году. Я просмотрел его старые чертежи. В конструкции магистрального кабеля есть уязвимость — инерция ламп при пиковой нагрузке в одиннадцать ноль-ноль. Похоже, перед арестом Торн успел передать эту схему кому-то из сообщников. Я как раз собирался запросить у вас ордер на негласное наблюдение за всеми бывшими коллегами Торна.

Кейн медленно откинулся на спинку кресла, и на его тонких губах появилась одобрительная, почти отеческая улыбка.

— Блестяще, Артур. Я не ошибся в тебе. Ты уже на шаг впереди. — Куратор достал из ящика стола тонкую красную папку и подвинул её к Артуру. — Но круг подозреваемых уже, чем ты думаешь. В эту уязвимость можно влезть только с двух сторон: имея схему из архива или имея физический доступ к магистральным тоннелям. Вчера в районе подстанции номер четырнадцать фиксировался выход из системы пневмопочты ремонтной бригады Министерства Изобилия. А кроме того...

Кейн понизил голос до шёпота:— Вчера в одиннадцать ноль-ноль кто-то в самом здании Минилюба также использовал это окно. В аппаратной контрольного мониторинга пропали четыре десятых секунды записи с сорок второго этажа. Кто-то из наших сидел в зале и не кричал во время «Двухминутки ненависти».

У Артура перехватило дыхание, но он лишь медленно кивнул, словно эта новость подтверждала его собственные гениальные догадки.

— Кто из аналитиков сидел на сорок втором этаже? — спросил он деловым тоном. — Я, Марта, Рэндалл и стажёр из архива.

— Вот именно, — тихо сказал Кейн. — Рэндалл слишком труслив, чтобы лезть в кабели. Марта — фанатичка, она скорее перегрызёт себе горло, чем замолчит при виде Голдстейна. Остаётся стажёр... или кто-то, кто прикрывается им. Артур, я даю тебе полные полномочия. Ты возглавишь внутреннее расследование. Найди мне того, кто вскрыл сеть. Найди его до конца недели. И когда найдёшь — мы вместе отправим его в Комнату 101.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.